

Александр Васюков

Этничность для себя и для других: из полевых наблюдений на Хельском полуострове

Моя научная работа посвящена изучению этнической идентичности и языковых процессов среди кашубов, славянского миноритарного сообщества на севере Польши. Полевая работа протекает практически на всей территории расселения этнических кашубов, в двух десятках населенных пунктов. Данная статья представляет собой краткий очерк с некоторыми наблюдениями в одном из самых красивых и удаленных мест Кашубии — Хельском полуострове, где мне удалось побывать трижды. На примере маленького курортного городка я предлагаю посмотреть, как местные жители конструируют и репрезентируют свой этнический образ, ориентированный как на внешнюю аудиторию, так и на местное локальное сообщество автохтонов.

Сегодня Хельский полуостров представляет собой узкую (шириной от 0,3 до 3 км) песчаную косу, которая протянулась на запад от города Владиславово на 33 км и отделяет Пуцкий залив от остальной части Балтийского моря. В наши дни полуостров — это непрерывная полоска материка, тогда как еще в конце XIX в. коса представляла собой цепочку островов, соединенных песчаными пересыпями, где местное кашубское население жило довольно обособленно

Александр Дмитриевич Васюков

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
ovasiukov@eu.spb.ru

от материковых жителей. За проезд на лошади по косе прусские власти взимали налог, поскольку лошади быстро разрушали пересыпи. Альтернативным транспортом служили лодки, которые были почти в каждой семье.

Административно Хельский полуостров относится к Пуцкому повяту Поморского воеводства Польши. Сегодня на его территории располагаются три гмины: Владиславово, Ястарня и Хель. Фактически же на полуострове лишь пять постоянных населенных пунктов: города Хель и Ястарня, села Халупы, Кузница и Юрата, в которых совокупно проживает около 8 тыс. человек. Из них лишь Ястарня, Халупы и Кузница считаются «кашубскими» поселениями, поскольку до Второй мировой войны Хель и Юрату населяли немцы. Сегодня здесь живут в основном поляки и немного кашубов из Ястарни. Благодаря протяженному песчаному пляжу, хвойным лесам и кашубскому этническому колориту Хельский полуостров давно стал излюбленным местом отдыха польских туристов (см. ил. 1 на цветной вклейке). В летнее время население полуострова может увеличиваться до нескольких десятков тысяч. Сдается буквально каждый уголок: туризм является одной из главных статей дохода местных жителей.

Часть моей полевой работы протекала в гмине Ястарне (3 782 чел.), прежде всего в ее центре, одноименном городке Ястарне (кашуб. *Jastarniô* — 2 734 чел.), образованном в 1954 г. путем слияния деревень Ястарня и Боры. Согласно оценкам Яна Мордавского, большинство (81 %) местного населения здесь — этнические кашубы или жители кашубского происхождения [Mordawski 2018: 48]. Исторически деревня Ястарня была одним из первых постоянных поселений на полуострове. Ее первое упоминание как *Heisternest* встречается в документах Великого магистра Тевтонского ордена Винрика фон Книпроде от 1378 г. Судя по этим источникам, Ястарня подчинялась поселению Хель (кашуб. *Hél*) и изначально была рыбацкой колонией. Так, в 1570 г. здесь проживало семь рыбацких семей [Konkel 2014: 82–83]. В 1766 г. в Ястарне построили костел, и она стала центром притяжения католического населения полуострова [Struck 2019: 79]. Соседний город Хель населяли в основном немцы-лютеране. Красавец-костел и сегодня является архитектурной жемчужиной Ястарни, хотя с тех пор сильно изменился. В 1930-е гг. он был перестроен из деревянного в кирпичный (ил. 2).

Хельский полуостров входит в этнокультурный регион Северная Кашубия, или же, как чаще тут говорят, Норды (кашуб. *Nôrdë*). Местные кашубы — это представители быляцкой этнографической группы кашубов (*Bëlôcë*), которые говорят на

специфических, одних из самых архаичных и непонятных другим кашубам быляцких (*bělôcczich*) диалектах кашубского языка. Свое название быляцы получили от того, что в отличие от остальных кашубов произносят непалатализованный звук [l] на месте неслогового w [ɫ], как делают остальные кашубы (например, *bëla* [ˈbæla] ‘была’). Подобное фонетическое явление стало называться былячением (польск. *bylaczenie*). Его происхождение до сих пор спорно, одни ученые считают это влиянием немецкого языка, другие — местным языковым изменением¹.

Как указывал классик польской этнографии Адам Фишер, кашубов-быляков с Хельского полуострова часто называли просто «рыбаками» [Fischer 1929: 9]. Подобная замена этнонима свидетельствует о традиционно сильной роли рыбацкого промысла в системе природопользования местных кашубов. Этнографическая литература содержит описание разнообразных техник и инструментов рыболовства, применяемых местными жителями. Фридрих Лоренц даже утверждает, что многие рыбаки с полуострова имели собственное уникальное клеймо для рыбацкой утвари. Такое клеймо могло наследоваться от отца к сыну и порой указывалось даже на надгробии рыбаков [Lorentz 1934: 23].

Рыбацкая идентичность и сегодня крайне важна для местных жителей, хотя уже немногие из них выходят в море. Все же местные старожилы пытаются сохранить для потомков традиционную кашубскую рыбацкую терминологию, которая постепенно уходит вместе с промыслом. Так, один из моих информантов, доктор Антони Конкель, даже издал отдельную лексикографическую работу [Konkel 2019], материал для которой он собирал среди местных пожилых рыбаков.

На быляцких говорах, относящихся к севернокашубской группе диалектов, говорят в 30–35 поселениях. Сегодня на полуострове еще можно зафиксировать два быляцких диалекта кашубского языка — халупско-кузницкий и боровско-ястарнянский, которые распадаются на четыре отдельных говора. Как показывают диалектологические исследования Лехослава Йоча, местные жители отчетливо осознают разницу каждого говора, а многие могут с легкостью имитировать произносительные особенности каждого из них. Это же подтверждают и материалы моего исследования. Я не раз становился свидетелем того, как информанты в Ястарне пародировали речь жителей из соседних сел.

¹ За подробным описанием быляцкой фонетики и происхождения этнонима «быляцы» отсылаю к [Jocz 2021: 9–10].

Это тебе надо с нашим вице-президентом поговорить... с Мартой... вот она знает язык каждой деревни. Она когда начинает их передразнивать, особенно из Кузфельда¹... мы тут со смеху умираем (кашубка, 34 года).

Сегодня в нашем распоряжении имеются специальные исследования, посвященные особенностям как быляцких диалектов Хельского полуострова [Sychta 1967–1976; Topolińska 1969], так и непосредственно говоров, встречающихся на территории гмины Ястарни [Stieber 1954; Popowska-Taborska 1960; Jocz 2017; 2021]. Однако мы вынуждены признать активный процесс языкового сдвига среди местных кашубов. Это отмечает упоминавшийся нами диалектолог Л. Йоч, которому не удалось найти молодых носителей кашубского в Халупах и Кузнице [Jocz 2021: 17]. Так и во время моих посещений города Ястарни лишь представители старшего поколения использовали кашубский в общении между собой, тогда как молодежь и дети уже почти не владеют им, хотя в местной школе кашубский преподается. Основным языком общения жителей города — польский.

Тем не менее, кашубский занимает важное место в городском ландшафте Ястарни и используется для репрезентации этничности местных жителей. Так, Ястарня стала единственным городом в Кашубии, где указатели улиц полностью продублированы на кашубском. Темой польско-кашубских указателей я интересуюсь давно. Устанавливать их позволяет статус регионального языка, который кашубский получил в 2005 г. Сегодня по всей Кашубии вдоль дорог установлено более 800 двуязычных табличек. Как показывают мои интервью, в условиях, когда Кашубия не существует как отдельная административно-территориальная единица, у сообщества есть явное желание выделить свою территорию, перенести ее из области исключительно воображения членов малой этнической группы в наблюдаемую реальность, визуализировать ее границы и сделать видимой как для себя, так и для других. Подобные знаки служат эффективным инструментом конструирования этноландшафта, т.е. маркирования территории как принадлежащей конкретной этнической группе, которая имеет на нее эксклюзивные права. Формирование специфического этноландшафта является важной частью этнорегионализма, который, по определению Энтони Смита, состоит в отождествлении региона с этническим сообществом: «Этнические активисты не заинтересованы в земле как таковой, их интересует ее культурный и исторический аспект. Территория их проживания должна быть превращена

---

¹ Kùsfeld — кашубское название деревни Кузницы.

в этноландшафт, поэтический ландшафт, который служит продолжением и выражением характера этнического сообщества» [Смит 2004: 125].

Установка таких двуязычных табличек, которые являются предметом особой гордости жителей Ястарни, финансировалась из бюджета местной гмины. Однако, если приглядеться к табличкам повнимательнее, можно заметить буквы, которые отсутствуют в кашубском алфавите. Местные активисты решили использовать свою собственную графику, которая, по их мнению, лучше отображает особенности локального произношения. Интересно, что специфика языка здесь используется в этническом дисплее, видимом лишь внешнему наблюдателю. Кашубский не имеет в гмине статуса рабочего языка, а потому все официальное делопроизводство идет на польском. Сразу же после установки эти таблички стали популярной у польских туристов достопримечательностью. Ястарня посредством таких табличек старается максимально подчеркнуть свою «непольскость» (а в некотором роде и альтернативную «кашубскость»), чтобы выглядеть более оригинально и нетривиально для туристов, которые летом приезжают на море. Кашубы из других регионов довольно критично оценивают подобную практику, называя это «быляцтвом» (ил. 3).

Практика репрезентации («продажи») этничности для внешней публики не ограничивается двуязычными указателями. Кашубская символика и надписи часто присутствуют на объектах, связанных с туризмом. Например, на снимке сувенирной лавки, сделанном летом 2021 г., «кашубскость» ориентируется на легкое прочтение неместными жителями. Кашубская надпись “Pamiątci z Jastarni” явно выполнена с ошибкой: «сувениры» по-кашубски “pamiątczë” (ил. 4). Что это? Неграмотность местного предпринимателя, который уже плохо владеет кашубским, или специальное искажение, которое позволяет польским туристам легче воспроизвести кашубское произношение?

Туристический бум в Ястарне затронул практически всех местных жителей. Многие из них или работают в сфере обслуживания, или сдают жилье отдыхающим. Интересно наблюдать, как наплыв туристов и спрос на этноспецифику региона побуждают местных жителей демонстрировать свою «кашубскость». Вместе с тем, в рассказах некоторых информантов проскальзывает тревога, что туристическая сфера и возможность заработка на туристах отвлекают внимание от насущных проблем, заставляют кашубов переключаться с рефлексии по поводу своей идентичности и состояния родной культуры на грубые материальные вопросы. Так, местный житель размышляет о том, что погоня за наживой привела к утрате привязанности к исконной

культуре и ослаблению культурной традиции. В его рассказе ощущается тоска по той «Кашубии, которую мы потеряли».

Людам деньги отнимают весь разум... Дома под аренду, много отдыхающих, богатство... потому что у некоторых тут по два-три дома для сдачи, так что они могут и не работать. Двадцать лет туристического бума привели к тому, что тут уже выросло поколение, у которого, как говорится, насрано в голове из-за денег. Они уже не помнят, как их дед на велосипеде ехал за сетью и рыбой... грязный, вонючий. Это не были сладкие времена... Туризм все изменил, все стали панами... И тут в Ястарне, где 70 % кашубы... из местной общины ZKP собирается лишь 30–40 человек. Я иногда не могу пятерых собрать. Костюмы, собрания... «А зачем нам это? А ради чего это?» И эти богачи, которые тоже с этого пользуются, потому что это их туристы, это их гости приезжают ради всего этого... это же все реклама для Ястарни... эти люди нас не уважают (кашуб, 53 года).

Этот мужчина также зарабатывает на жизнь тем, что в летнее время сдает отдыхающим жилье. Как бы критично информанты ни оценивали культурные изменения в своем сообществе под воздействием рынка, материальные интересы всегда побеждают и заставляют тех, у кого есть такая возможность, точно так же встраиваться в туристическую индустрию.

В курортных поселках, особенно на морском побережье, этнографические музеи часто становятся важной частью культурного досуга туристов. Есть такой и в Ястарне. Во время моего пребывания там даже в понедельник, когда музей закрыт для посещения, в двери регулярно стучались туристы. Было очевидно, что в летнее время музей пользуется спросом.

Музей «Рыбацкая хата» в Ястарне, несмотря на свои скромные размеры, занимает особое место в рефлексии информантов над своей этничностью. Это один из символических образов «открытия этничности», которое пережили кашубы после развала коммунизма. Музей располагается в центре города и занимает историческое здание 1881 г. Сегодня это единственная аутентичная рыбацкая хата во всей центральной части Хельского полуострова, тогда как еще до Второй мировой войны большинство местных кашубов проживали именно в таких. Экспозиция музея призвана показать быт обычной кашубской рыбацкой семьи первой трети XX в. (ил. 5).

Сегодня мы видим здание отреставрированным, однако, согласно свидетельствам очевидцев, до 1989 г. хата (кашуб. *chëcz*) была полуразрушенной.

Тут, я помню еще с моего детства, жила такая семья... Мы однофамильцы, поэтому называли их просто Тубы, потому что он играл в рыбацком оркестре на тубе, это был ее первый муж... И они тут жили в годах... до 1983 или 1985, как-то так, потом поумирали. Там, где ты сейчас рыбацкие принадлежности видишь, у них там хлев был, они корову держали. И я ребенком каждое утро ходил к ним за молоком... (кашуб, 61 год).

В здании проживала типичная многопоколенная кашубская рыбацкая семья, которая, как и остальные, была вынуждена запастись зерном, сеном и продуктами с материка. Однако в рассказе информанта само строение словно отражает типичные черты характера и хозяйственность кашубов.

Это здание типичное для кашубов... Недостаток материала и бережливость... Железной дороги не было, XIX век... Через весь полуостров, который уже был соединен воедино, а до этого были отдельные кусочки, шла только одна грунтовая дорога... По ней только прусские чиновники могли ездить на лошадях... а всем другим надо было запрашивать разрешение, чтобы ее не портить. Так что всё привозили через залив этими нашими лодочками. Каждый кирпич везли лодками... Дорого, далеко и в минимальном количестве (кашуб, 61 год).

Другой информант прямо заявил мне, что сама идея сохранения такой хаты послужила стимулом основания в Ястарне в 1983 г. местной ячейки крупнейшей этнической организации кашубов — Кашубско-Поморской ассоциации (ZKP).

Последний представитель этой семьи заявил свои права на хату, хотя формально он не был собственником. Но как сын своего отца... Это был его дом. Это была целая баталия... Мы скинулись, все, кто был тогда в ястарнянском отделении, и просто заплатили ему определенную сумму, за которую он согласился нам его продать. Это не была огромная сумма, но хата большего и не стоила... тут была просто руина. Но она представляла ценность как памятник старой застройки Ястарни. Эта часть вокруг костела — это самая старая в Ястарне, все остальное — это уже послевоенное. А тут сердце Ястарни. То есть эта хата была самой старой, а вокруг уже все было новое. Нам было жаль, если бы она исчезла из пейзажа Ястарни. И эта борьба... а это была борьба в прямом смысле... за то, чтобы сохранить хату, это было что-то такое, что нас всех объединило (кашуб, 82 года).

Сентимент, трогательное отношение к местному пейзажу, неотъемлемой частью которого должна быть традиционная кашубская хата, позволяют увидеть, как местные активисты создавали этноландшафт собственными усилиями в то время,

когда еще невозможно было установить двуязычные таблички. Ми видим, как в описаниях информанта фигурирует милитаристская риторика: «баталия», «борьба». Создание музея выступило тем триггером, который солидаризировал местную активистскую общину. Однако меня интересовало также и то, какую позицию в этом процессе занимали обычные кашубы, не вовлеченные в этнический активизм. На мой вопрос о том, как воспринимали остальные жители Ястарни и ее округи борьбу за сохранение здания и создание музея, мой собеседник ответил:

По-разному... Некоторым было все равно. Ну исчезнет этот дом, мир не провалится от этого. Но были и те, кто был против воссоздания дома... Знаете, против в том смысле... Они тоже бы хотели, чтобы та хата существовала, но чтобы ее перенесли в другое место, особенно соседи (кашуб, 82 года).

Таким образом, небольшая рыбацкая хата в крошечном севернокашубском городке удивительным образом символизирует в глазах информантов борьбу кашубов за свою идентичность. Борьбу с собственным равнодушием и безразличием. Единственный оставшийся в местности дом, которому приписываются характеристики «традиционного», должен встроиться, инкорпорироваться в практику этнического активизма, дополняя его «музеизирующим», по определению Андерсона [Андерсон 2001: 196], воображением. Ястарня послужила для меня удивительным примером, иллюстрирующим, как за выстраиванием привлекательного и нетривиального образа этничности для внешнего потребителя-туриста скрывается ностальгия по утрачиваемым культуре и языку, заставляющая местных жителей записывать мало кому известную рыбацкую терминологию предков и сохранять аутентичный ландшафт поселения.

Благодарности

Исследование проводится при финансовой поддержке Фонда культур народов Сибири (Фюрстенберг / Хафель, Германия).

Библиография

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001. 288 с.
- Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий нации и национализма. М.: Праксис, 2004. 466 с.
- Fischer A. Zarys etnograficzny województwa pomorskiego. Toruń: Instytut Bałtycki, 1929. 70 s.
- Jocz L. Opozycja */u/ : */u:/ w gwarze Jastarni // Slavica Occidentalis. 2017. No. 75(1). S. 41–72.

- Jocz L.* The Kashubian Dialect of Bor and Jastarnia: The Consonant System. Gorzów Wielkopolski: Akademia im. Jakuba z Paradyża w Gorzowie Wielkopolskim, 2021. 143 p.
- Konkel M.* Najstarsze rody rybackie Boru i Jastarni w świetle ksiąg metrykalnych. Studium genealogiczne // Kwaśniewska A. (red.). Jem jò rëbòk... Rybołówstwo na Kasubach — tradycja i współczesność. Wieżycza: Kaszubski Uniwersytet Ludowy, 2014. S. 81–111.
- Konkel A.* Kaszubski leksykon rybacki. Gdańsk; Jastarnia: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie. Zarząd Główny, 2019. 124 s.
- Lorentz F.* Zarys etnografii kaszubskiej. Toruń: Instytut Bałtycki, 1934. 156 s.
- Mordawski J.* Geografia Kaszub. Gdańsk: ZKP, 2018. 108 s.
- Popowska-Taborska H.* O samogłoskach nosowych w Borze i Jastarni // *Slavia Occidentalis*. 1960. No. 20/2. S. 125–131.
- Stieber Z.* Zmiany w fonetyce Jastarni w ostatnim stuleciu // *Język Polski*. 1954. No. 34(4). S. 249–252.
- Struck M.* Kronika Helu: ludzie, życie i obyczaje 1874–1890, 1905–1910. Hel: ZKP, 2019. 192 s.
- Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej: w 7 t. Wrocław: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, 1967–1976.
- Topolińska Z.* Teksty gwarowe północnokaszubskie z komentarzem fonologicznym // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 1969. No. 8. S. 67–93.

Иллюстрации к статье Александра Васюкова

Ил. 1. Пляжи в окрестностях Ястарни (лето 2021 г.)

Ил. 2. Центр города Ястарни и костел

Ил. 3. Двужычныя указателі вулиц у Ястарне

Ил. 4. Сувенирная лавка в Ястарне

Ил. 5. Музей «Рыбацкая хата» в Ястарне